

Представляется, что пристального внимания заслуживает высказанная И. Казлаускасом мысль о возможном топографическом (т.е. топонимическом) происхождении лит. Kuršas, латыш. Kurša. В Литве встречаются 4 гидронима с элементом Kurš-, причем 3 из них (Kurš-upalis, 2x Kurš-upis) локализованы в Жемайтии, т.е. на бывшей территории куршей. А. Ванагас считает эти гидронимы вторичными, производными от этнонима kuršis или соответствующей фамилии (Vanagas, 1981, 175), И. Казлаускас же возводит эти названия к лит. (жемайтскому) диалектизму kuršas 'крюк' (op. cit. 60). Если хотя бы в отношении одного гидронима ближе к истине предположение И. Казлаускаса (или любая другая гипотеза, объясняющая происхождение гидронима с Kurš- без возведения к этнониму или антропониму), то вполне допустимо происхождение этнонима kurši от данного гидронима (вероятность этимологической связи упомянутых гидронимов с апеллятивом kuršas 'крюк' поддерживается наличием семантических параллелей — как приводимых в статье И. Казлаускаса, так и других гидронимов с мотивационным значением извилистости, например, названий рек с корнем Ring-, Rig-).

Этноним zemgali К. Буга и Я. Эндзелин (и вслед за ними большинство балтистов) возводят к корню ziem- < *žeim- 'зима; север', т.е. zemgali = 'живущие на севере (к северу от других балтов)' (Buga RR II 106-107; Endzelins DI III₁ 419). Существует также гипотеза о связи данного этнонима (а также лит. žemaičiai) с лит. žeme, латыш. zeme 'земля' (Гринавицис, 1968, 45-50). Представляется вполне вероятным, что посредствующим звеном между упомянутым корнем со значением 'зима; север' и этнонимом мог быть гидроним, например, žeimikē в Тельшайском р-не, расположенном относительно недалеко от исторической Земгалии, или даже žeimena, локализованная значительно южнее, в Швенчёнском р-не, поскольку в первой половине I тысячелетия н.э. земгалы могли населять эту территорию (ср. Buga RR III 732). Проис-

хождение упомянутых гидронимов, по-видимому, связано с мотивационным значением 'холодный' (Vanagas, 1981, 399); данное значение типично для названий рек (в Литве, например, с основой šalt- насчитывается более 40 потамонимов, не считая тех, которые возводятся к šaltinis 'источник' (Vanagas, 1981, 325), поэтому в ареале, где упоминалась сема входила в семантику корня *žeim-, вполне могли существовать и другие, ныне забытые, гидронимы с данным корнем. Любопытно отметить, что гипотеза гидронимического происхождения этнонима zemgali делает данное слово полным структурным аналогом этнонима latgali (< гидронимического корня Lat-).

Гипотеза о гидронимическом происхождении этнонимов kurši и zemgali не опровергает наиболее убедительные из прежних этимологий, но имеет право на существование наряду с ними. Степень достоверности предложенных гипотез увеличивается тем, что и целый ряд других балтийских этнонимов, по-видимому, восходит к гидронимам (latvieši, lietuvieši, jātvingi, sudavi, skalvi, zēli и другие. См.: Kuzavinis, 1966, 177-180; Buga RR III 154), а переход гидронимов в этнонимы можно в определенной степени считать ономастической универсалией (сравни, например, Бондалетов, 1983, 171).

Л. Ваба (Таллин)

ПРОБЛЕМА ЛАТЫШСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ В ЭСТОНСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ

Фон заимствования. В эстонском языке можно выделить по меньшей мере два вида профессиональной лексики, в которой встречаются заимствования латышского происхождения — у мореходов Хяэдемеесте и сплавщиков Харгла. Хяэдемеесте и Харгла расположены в непосредственном соседстве с Латвией, бывший

приход Хяэдемеесте — в юго-западном, Харгла — в юго-восточном уголке Эстонии; они граничат соответственно с территориями Салаца и Гауйиены.

Благодаря географическому положению Хяэдемеесте и Харгла имели длительные и оживленные контакты с Латвией и латышами. Известно, что оба прихода административно частично входили в латышскоязычные приходы, для обоих было характерно наличие смешанного эстонско-латышского расселения. С точки зрения эстонско-латышских языковых контактов, важно иметь в виду, что во второй половине прошлого и начале нынешнего столетия многие безземельные жители прибрежных сел отправлялись из Хяэдемеесте в Латвию на заработки. К особенностям заселения Харгла относится то обстоятельство, что в конце XIX в. в связи с выкупом куторов в частную собственность появилось несколько значительных поселений латышей, в связи с чем возникла даже потребность в местной латышской школе и в церковной службе на латышском языке.

Наличие латышских заимствований в эстонской профессиональной лексике свидетельствует о не изученных до сих пор аспектах культурных контактов между эстонцами и латышами.

В Харгла и на примыкающих к нему территориях издавна известен сплав местного значения по р. Мустыги и ее крупным притокам. Есть сведения о том, что вверх по р. Гауе ходили на плотам до Риги из Харгла еще в начале XIX в., тогда как массовый сплав в Ригу начался лишь в начале XX в., с открытием в 1903 г. канала Гауя-Даугава. Последние плоты из Харгла в Ригу по р. Гауе транспортировались, очевидно, весной 1914 г. Сплавщиками обычно были мужчины из местных, изредка вместе со своими мужьями работали и женщины.

В Хяэдемеесте зарегистрировано по крайней мере четыре мореходных слова латышского происхождения: knabi 'железный крюк, крючок', (p)liivima 'складывать дрова в трюм', plika 'блесна', saaker 'кошка (якорь)'. Косвенно сюда же можно отнести известные среди жителей побережья в Хяэдемеесте латышские названия рыб (kants 'бельдюга', preetel 'финта').

В лексике сплавщиков Харгла встречается по меньшей мере шесть слов латышского происхождения: kraats 'пороги у Г. Стренчи', kairgys 'перекладина, к которой прикреплены бревна', regun 'прут для связки частей плота', pleenits 'сплавной лес из 16-17 бревен' (плот обычно состоял из 4-5 таких частей), ragat 'заграждение на реке для управления бревнами, плот', tsemm 'железный крюк для соединения бревен'.

Профессионализмам латышского происхождения свойственно узкоспециальное местное употребление. В других прибрежных селах Эстонии мореходные слова, известные в Хяэдемеесте, не зарегистрированы. Приведенные примеры языковых особенностей сплавщиков характерны только для Харгла; сплавщики бассейна р. Пярну или побережья Чудского озера ими не пользовались.

Профессионализмы полностью подчинились законам фонетики и фонологии местного эстонского диалекта. Известные профессионализмы латышского происхождения представляют собой почти без исключения конкретные существительные и лишь в одном случае — глагол ((p)liivima). Анализируемые профессионализмы однозначны, они не дали производных. Скорее всего все упомянутые профессионализмы заимствованы из соответствующей латышской профессиональной лексики. Подавляющее большинство профессионализмов латышского происхождения являются непрямыми заимствованиями. Среди мореходных слов Хяэдемеесте есть немецкие заимствования ((p)liivima, saaker), языковые особенности сплавщиков в Харгла — в основном заимствования из русского языка (regun, pleenits, ragat). На посредничество при этом латышского языка указывают некоторые фонетические и семантические особенности, характерные для маргинальных ареалов, граничащих с Латвией, и контекст.

С модификацией или исчезновением названных профессий изменилась или оказалась забытой и профессиональная лексика. Например, сведения о сплавщиках Харгла в наши дни можно черпнуть в основном из преданий.